

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации Чэнь Шэннань на тему:
«Переводы «Сань цзы цзин» на русский язык в XVIII веке: лингвистический
аспект», представленную на соискание ученой степени кандидата
филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

Диссертационное исследование Чэнь Шэннань посвящено переводам с китайского языка, выполненным на протяжении XVIII века. XVIII век имел исключительно важное значение для истории русского литературного языка. Это время решительной смены веков, когда заканчивается господство церковнославянского языка, обслуживавшего литературную норму еще в петровской России. По счастливому совпадению материал диссертации ярко демонстрирует этот переход от церковнославянского к новому типу языкового употребления в установках переводчиков, ориентированному на разговорную речь.

Актуальность обсуждаемого исследования определяется необходимостью углубленного изучения переводных источников XVIII в., зафиксировавших динамику русской литературной нормы и различные переводческие опыты. Научная новизна работы состоит во впервые предпринятом лингвистическом анализе и сопоставлении трех переводов китайского учебного сочинения «Сань цзы цзин», выполненных в разное время в XVIII в. Результаты диссертационного исследования имеют теоретическую значимость, поскольку в научный оборот вводятся новые данные по истории русского литературного языка и переводческой деятельности в XVIII в. Безусловно, результаты исследования Чэнь могут быть использованы как в дальнейших исследованиях российско-китайских культурных контактов, так и в учебной деятельности.

В первой главе диссертации (с. 12–34) дается общая характеристика книги «Сань цзы цзин»; рассматривается содержание и особенности языка этого начального китайского учебника, своеобразной «краткой детской энциклопедии», свыше 1000 иероглифов которой должны были заучиваться наизусть; описывается история изучения «Сань цзы цзин» в Китае и России; дается обзор русских переводов «Сань цзы цзин» в связи с деятельностью Российской духовной миссии в Пекине и первых известных русских переводчиков с китайского языка – Иллариона Каленовича Россохина и Алексея Леонтьевича Леонтьева. Содержится обоснованная критика предположения И.Ф. Поповой о переводе части Грамматики Смотрицкого на китайский язык в заключительных трех тетрадах Алексеем Леонтьевичем

Леонтьевым уже в 1745 г., в то время как в это время он только приступил к изучению китайского языка. Кроме того, в главе дан обзор семи существующих переводов книги «Сань цзы цзин» начиная с рукописей сороковых годов XVIII в. и заканчивая печатными изданиями последнего времени.

Во второй главе диссертации (с. 35–71) проведено «сопоставление техники русских переводов «Сань цзы цзин» XVIII в. в контексте эволюции переводческой мысли» – перевода анонимного автора и перевода Россохина, сохранившихся в рукописях, а также изданного в 1776 г. перевода Леонтьева. Выявлены структурно-текстологические расхождения между переводами. Автором были изучены рукописи, которые признавались принадлежащими перу Россохина, и установлены рукописи, которые нельзя признать автографами. Удачной частью работы является анализ орфографии рукописных переводов – анонимного и россихинского. Установлена такая их типическая черта для источников XVIII в., как неупорядоченность правописных систем. Важным является следующее наблюдение автора: диссертанту удалось выявить характерные графико-орфографические приметы рукописи с анонимным переводом – частое использование графем, которые встречаются лишь в единичных случаях в переводе Россохина (графемы j, w, x, ø) или вовсе в нем отсутствуют (ia, w̄). Издание перевода Леонтьева в этом отношении радикально отличается от обеих рукописей. Кроме того, автором установлено, что скорописный начерк ю, сокращение слов под титлом и выносные буквы используются также только в анонимном переводе, так что в этом отношении рукопись наследует ряд черт скорописи XVII в. Не менее показательны обнаруженные диссертантом различия в использовании неполногласных форм: в анонимной рукописи они оказались более частотными, при том что слова с полногласной приставкой *пере-* тут вовсе отсутствуют, тогда как в двух других переводах употребляются лексемы с неполногласной приставкой, так и с полногласной. Автор обнаружил также в анонимном переводе церковнославянские формы существительных с результатами второй палатализации, которых нет в других источниках.

В диссертации проанализированы принципы и «качество перевода» в названных трех источниках. Установлено, что анонимный перевод механически воспроизводил исходную трехсловную структуру текста в опоре на пословный принцип, тогда как в переводе Россохина структура исходного текста не сохранена, вводились союзы, менялся порядок слов, прибавлялись объяснения и комментарии, т.е. переводчик опирался на смысловой перевод, поскольку предназначал свой перевод для обучения. Перевод Леонтьева также отличался свободой, при опоре на построчный принцип он допускал

изменения, направленные на смысловую точность и понятность перевода, пытаясь сохранить лаконичность оригинального текста и даже частично рифмованность. Перевод Леонтьева был издан для ознакомления с китайскими воззрениями на жизнеустройство и ориентирован на читательскую публику. Указанные различия в принципах переводов в диссертации продемонстрированы на примере конкретных текстовых фрагментов.

Автором рассмотрены лексические расхождения в переводе одних и тех же фрагментов, а также проанализированы ошибки переводчиков, что вновь подтвердило тезис о разных авторах первых двух переводов и различную функциональную направленность всех трех переводов. Удалось объяснить большое число ошибок в изданном переводе Леонтьева, а также установить соотносительность трех переводов с тремя этапами развития переводческой деятельности в России XVIII в.

В третьей главе содержится «Лингвистический анализ русских переводов «Сань цзы цзин» в XVIII в. в контексте формирования и нормализации русского литературного языка нового типа» (с. 72–96). Установлено, что аористы встречаются лишь в анонимном переводе, который отличает неупорядоченность в оформлении инфинитива на *-ть*, *-т*, *-ти*. В переводе Россохина и Леонтьева аорист отсутствует, а оформление инфинитивов упорядочено: у Леонтьева оно соответствует современной орфографической норме, а у Россохина частично отражает фонетические особенности возвратных форм, которые записываются без мягкого знака. В формах прошедшего времени после гласного в анонимном переводе варьируют финали на *-ся* и *-сь*, что не наблюдается в переводе Россохина, однако присутствует у Леонтьева. В итоге автору удалось доказать связь анонимного перевода при употреблении указанных форм с Петровской эпохой.

Особый интерес вызывают данные по морфологии прилагательных, где во всех трех источниках наблюдается вариативность, при том что в издании Леонтьева в ряде форм закрепляются исключительно книжные формы, в том числе и не соответствующие уже выработанным к этому времени орфографическим правилам.

При анализе лексики диссертантом установлено, что славянизмы используются во всех трех источниках, однако в количественном отношении они распределены по-разному: чаще всего они встречаются в анонимном источнике, несколько реже в издании Леонтьева и редко отмечаются у Россохина, однако приведенные примеры показывают, что не все славянизмы диссертантом идентифицированы. В диссертации также проанализированы

китаизмы в трех источниках и объяснены причины количественных расхождений в их употреблении. Любопытны наблюдения по синтаксису переводов, однако здесь, как и в других случаях, приводится недостаточное количество контекстов. Особое распределение синтаксических позиций прилагательных-определений в издании Леонтьева потребует в дальнейшем отдельного изучения. Выявлены особые случаи начинательного для фразового членения употребления сочинительных союзов в переводе Россохина. Установлены особенности употребления архаичных конструкций с местоимением *который* и предлогом *чрез*, которые встречаются в двух ранних переводах и характеризуют состояние первой половины XVIII в. Дано объяснение низкой частотности деепричастий в анонимном источнике, однако не приведено объяснение распространенности деепричастных форм на *-вши*, а не на *-въ*.

Таким образом, в ходе анализа графико-орфографических, морфологических и лексических особенностей источников, различий в переводческой технике диссертанту удалось установить характерные черты каждого из источников и доказать, что перевод, представленный в рукописи БАН 17.5.22, приписываемый Россохину, принадлежит другому переводчику, узуальные речевые навыки которого сформировались в более ранний период и связаны с Петровской эпохой. Безусловно, это важное и значимое достижение соискателя ученой степени. Похвально, что в работе приводятся количественные данные, хотя, к сожалению, не во всех случаях. Диссертация включает два объемных приложения, которые занимают страницы 119–404 и включают публикацию трех проанализированных источников, в том числе в виде параллельных чтений. Конечно, это повышает ценность всей представленной работы.

Ряд положений обсуждаемой работы вызывает замечания и вопросы.

1. Если первым переводчиком считать Осипа Дьяконова, который в составе Духовной миссии находился в Пекине в 1715–1736 гг., то перевод нельзя отнести к началу XVIII в., а по крайней мере к первой трети (ср.: с. 93).

2. Не указано, что употребление графем *и*, *ї* строго дифференцировано у Россохина и Леонтьева, в значительной степени также и в анонимном источнике – *ї* пишется перед буквами гласных.

3. Не приведены формы прилагательных на *-ый/-ий* и *-ой/-ей*, чтобы можно было составить представление о распределении вариантов.

4. На с. 78 и сл. в таблице не отмечены славянизмы, которые употребляются в переводе Россохина: *предвозвѣщаютъ*, *благочестіе*, а также в издании Леонтьева: *разсужденія*. Ошибочно старославянизм *благочестіе*,

который отмечают словари старославянского языка, отнесен к русским словам, как и общеславянское *ръчи* (с. 79).

5. Некоторые выводы повисают в воздухе, потому что иллюстрируются одним или двумя примерами (см., например, выводы о месте глагола-сказуемого в трех источниках).

6. Значение частицы *же* как присоединительного союза опровергается первым же примером, где после *же* идет союз *и*: *осеньже изима*. По-видимому, *же* как энклитика маркирует начало фразы (с. 85).

Несмотря на сделанные замечания, нужно заметить, что поставленная автором цель исследования достигнута, задачи, с ней связанные, решены. Положения, вынесенные на защиту, доказаны. Диссертация хорошо структурирована, каждая из трех глав имеет членение на параграфы и заканчивается выводами. Логика изложения выдержана.

Работа Чэнь Шэннань получила необходимую апробацию. Основные ее результаты отражены в публикациях, в том числе в трех изданиях, рекомендованных ВАК.

Диссертация Чэнь Шэннань на тему: «Переводы «Сань цзы цзин» на русский язык в XVIII веке: лингвистический аспект» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Чэнь Шэннань заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета
Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры прикладной и
экспериментальной лингвистики
Казанского (Приволжского)
федерального университета

Жолобов О.Ф.

09.11.2020

